

— Но кто же были мои слушатели?

— Поскольку собирались в те годы чаще всего у Тихомировых, то, естественно, прежде всего сами Тихомировы, Стасик и Валя, да Юра Шагимурагов, который жил теперь в двухкомнатной квартире (бывшей Колоколова) на той же лестничной площадке, но почти всё свободное время обитал у Тихомировых на правах почти что родственника.

— Вообще квартира Тихомировых напоминала проходной двор, отчасти из-за общительного характера хозяев, особенно Вали, отчасти из-за того, что у Тихомировых был телевизор, остальные же ещё на такую роскошь не заработали и бегали смотреть, кто футбол-хоккей, кто КВН, кто ещё что-нибудь, - к Тихомировым.

— Из сотрудников станции в наших сборищах участвовали ещё Лия Силячевская и Виталик, реже Алла Николаевна, иногда Лена Васильева. Почти в одно время с нами приехали в Ладушкин, а потом поселились в квартире над нами Гена и Майя Бирюковы - главврач и завотделением Ладушкинского детского санатория, года на три-четыре постарше нас, выпускники Ленинградского педиатрического института, поработавшие уже в Грозном и перебравшиеся теперь в Ладушкин на самостоятельную работу, в которой они подчинялись только облздраву. Постепенно и они влились в нашу сравнительно постоянную компанию. Наконец, на станцию часто приезжали для испытаний своей аппаратуры и подолгу жили ленинградские конструкторы магнитометров из ОКБ "Геологоразведка" - Володя Степанов, здоровенный Кукушкин, ухаживавший за миниатюрной Лией, Амелькин и прочие. Тихомировы и их всех привечали, приглашая на наши сборища.

— Вот к этой, в основном, аудитории я и обращался на наших вечеринках, когда процесс выпивания и закусывания замедлялся вследствие частичного насыщения, и публика была не прочь на время оторваться от пищи материальной, дабы вкусить немного и пищи духовной. Замечу, кстати, что пили тогда весьма умеренно - по зарплате, да и любителей особых выпить-то не было, разве что Степанов да Стасик; собирались просто ради компании и поесть вкусно картошечки, салца, огурчиков, грибочков, рыбки - продуктов всё домашнего приготовления.

— В застольных дебатах я, пользуясь методом Славика, не стремился с ходу навязывать свою точку зрения. То, что я обычно читал вслух, говорило само за себя и не требовало моих комментариев. Я ждал реакции слушателей, а уж в зависимости от неё высказывал свои мнения. Ладушкинская же публика, хоть и не отличалась оригинальностью суждений, но во всяком случае не оставалась равнодушной к моим чтениям и высказываниям, что и подогревало, собственно, мой энтузиазм.

— Высказывания же мои, в сущности, представляли собой вариации на темы наших бесед со Славиком, Юрой, Виталиком, Димой и сводились к утверждению, что большинство неполадок у нас в стране порождено самой системой, отсутствием демократии в первую очередь.

— Реакция на такие мои заявления была разной. Наиболее темпераментно реагировала на них Валя Тихомирова. Она всегда вставала на мою сторону и спорила с теми, кто со мной не соглашался, хотя и не всё иногда понимала в моих рассуждениях. У неё было обострённое чувство справедливости, по-своему, впрочем, понимаемой, и она очень горячо возмущалась по поводу как мелких, так и крупных недостатков нашего бытия. Будучи коммунистом с незаконченным высшим экономическим образованием, Валя представляла самое советскую власть: работала председателем сельсовета в совхозе "Ладушкинский" - туда её направили вместо спившегося предшественника безо всяких выборов, просто в райкоме сочли её кандидатуру подходящей, - и со всякими безобразиями она теперь сталкивалась каждый день. Моё критиканство не пугало, а, напротив, привлекало её вплоть до того, что она спрашивала: "А не пойти ли мне, выложить им партбилет на стол и послать их подальше?" "А какой смысл? Чего ты этим

добьёшься?" - возражал я.

— Спорил же со мной чаще других Юра Шагмуратов. При внешней скромности натуре его не чуждо было упрямство, и он цеплялся за любые изъяны в моих рассуждениях, негодуя на Валю за её слепое поддакивание мне во всём. Но к логике он прислушивался и не упирался в какую-либо точку зрения только потому, что другая ему не нравилась.

— Стасик Тихомиров хмелел обычно раньше других и всерьёз мои рассуждения не воспринимал. "Стрелять надо чехов и тебя вместе с ними. Давай, лучше выпьем" - добродушно рычал он и затягивал, фальшивя, что-нибудь из репертуара народных песен или романсов.

— Гена Бирюков, плотный сангвиник и добрый малый, в очках, стриженный ёжиком, в очевидных местах поддакивал, в спорных - помалкивал, предпочитал потанцевать, сыграть в картишки или в шахматы и первым отправлялся спать, когда гулянка затягивалась.

— Его жена, энергичная Маечка, с которой впоследствии сдружилась Сашенька, слушала меня всегда внимательно, будучи заметно равнодушной то ли к моим речам, то ли ко мне самому. Политика и философия её не очень волновали, а вот мои чтения отрывков из художественных произведений явно нравились.

— Сходная реакция на мои чтения была и у Аллы Николаевны, впрочем, иногда она и в споры вступала.

— Виталик, с тех пор как появился в Ладушкине, всегда, естественно, был безоговорочно на моей стороне - всё-таки одна школа.

— Сашенька любила слушать моё чтение, а в споры вмешивалась редко. Мои взгляды ей были хорошо известны, и она больше реагировала на моё поведение - не любила, когда я зарывался, был излишне категоричен или начинал вещать менторским тоном. Лишь когда разговоры заходили о женской эмансипации, она как и все остальные женщины нашей компании вставала на защиту своих прав. В этом отношении традиции советского воспитания сказывались наиболее сильно именно в среде женщин с высшим образованием. Они в меньшей степени ссылались на низкие заработки мужей, не способных обеспечить содержание семьи, а настаивали на необходимости собственного участия в так называемом мужском труде на том основании, что они к этому труду якобы не хуже мужчин способны.

— Что же вы не возражаете, когда в спорте мужчины и женщины соревнуются раздельно? - говорил я. - Что же вы по штанге рекорды не бьёте? Почему вы так низко ставите свои природные обязанности - быть женой и матерью? Разве рожать и воспитывать достойных мужей менее важно, чем быть достойными мужами? Вы этими своими обязанностями манкируете, а мужские плохо выполняете - не по своей вине, конечно. Отсюда и разводы, и низкая рождаемость, и дурное воспитание подрастающего поколения, и низкая производительность труда на производстве.

— Но это почему-то их не убеждало.

— Что же нам - только кухня да пелёнки? А Софья Ковалевская, а Мария Кюри? - возмущались обиженные женщины.

— А много ли их в истории-то было, Кюри да Ковалевских? - спрашивал я.

— Так не давали развернуться, возможностей у женщин не было себя показать, - отвечали женщины.

— Ну, вот вам у нас в стране уже полвека все дороги открыты, а толку? Вон сколько женщин на стройках, дорожных работах, сельское хозяйство на себе женщины тянут. Так ведь, может, оттого-то у нас и с продуктами плохо, и качество строительства низкое и дорог не хватает?

— Женщины, что ли, в этом виноваты?

— Руку во всяком случае приложили, занявшись не своим делом.

— А они опять за своё:

— Так что же нам - только кухня да пелёнки?

— Да нет, - говорю. - Украшать жизнь - ваша задача, а не наравне с мужиками лямку тянуть.

— Да вы какие мужики-то сами есть - гвоздя прибить не допросишься, уставитесь в свой хоккей, так весь вечер и просидите на диване...

— Ну, и так далее.

— Гости-ленинградцы дискуссий не любили. Традиционный набор - выпить, закусить, попеть, потанцевать - их вполне устраивал, а на наших вечеринках и этого добра хватало.

— Славик, когда я ему рассказывал о нашей ладушкинской компании, удивлялся: "Что ты там находишь интересного? Охота тебе публику потешать. Допрыгаешься когда-нибудь, а чего ради?" Сам он всегда был очень осторожен в публичных высказываниях, откровенен был лишь с немногими.

— Действительно, моя ладушкинская аудитория не блистала остроумием, я не черпал у неё новых идей. И тем не менее она меня привлекала. В этой компании не было законченных комформистов, которых бесит уже сам факт инакомыслия. Не всегда со мной соглашаясь, меня, по крайней мере, терпели, слушали, и тот же Стасик относился ко мне вполне по-дружески.

— А главное, всё это были люди добрые, отзывчивые, порядочные, по-человечески просто приятные. Одно это уже много значило. Да и удавалось мне их убеждать во многом.

(продолжение следует)